АКАДЕМИКЪ. В. М. БЕХТЕРЕВЪ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ-ДЕГЕНЕРАТЪ

НЕРОНОВСКАГО ТИПА.

Издательство «НАША ЖИЗНЬ».
МОСКВА—1916.

Въ томъ великомъ столкновеніи народовъ, которое мы переживаемъ нынѣ, центральную фигуру, безъ сомнѣнія, представляетъ собою императоръ Вильгельмъ II, котораго многіе считаютъ, правда, безъ достаточной исторической перспективы, виновникомъ настоящей войны и котораго нѣкоторые почему-то опредѣленно признаютъ за человѣка душевнобольного. Естественнымъ поэтому представляется спросить себя, кто же этотъ дѣйствительный или мнимый вершитель судебъ Европы, который нынѣ является предметомъ вниманія всего міра, который сосредоточиваетъ на себѣ вѣру въ свой геній 80-милліоннаго нѣмецкаго народа и который развѣнчивается его противниками до степени душевнобольного героя, безразсудно начавшаго одну изъ жесточайшихъ войнъ въ мірѣ и притомъ войну еще небывалую по своимъ размѣрамъ.

Какъ бы ни казалось страннымъ на первый взглядъ, но я хотѣлъ бы встать на защиту Вильгельма II отъ распространяемыхъ по его адресу навѣтовъ въ отношеніи собственно двухъ пунктовъ: 1) въ отношеніи того, что онъ является

дѣйствительнымъ виновникомъ войны и 2) въ отношенiи того, что онъ является душевнобольнымъ человѣкомъ, каковымъ признаютъ его нерѣдко въ большой публикѣ.

Что касается перваго пункта, то я долго на немъ останавливаться не буду. Скажу лишь, что если бы дѣло шло о столкновенiи отдѣльныхъ лицъ, то мы безъ труда согласились бы съ тѣмъ, что опредѣлителями происшествiя являются съ одной стороны внѣшнiя условiя, съ другой всѣ тѣ условiя, которыя связаны съ цѣлымъ рядомъ всѣхъ предшествующихъ влiянiй на ту и другую личность, начиная съ ихъ психологiи, и приведшихъ къ столкновенiю двухъ лицъ другъ съ другомъ.

Изучая развитiе и причины преступленiя, я убѣдился, что, собравъ всѣ данныя относительно того или иного преступленiя, изучивъ и самого преступника, начиная съ его генеалогiи и воспитанiя и кончая средой, въ которой онъ вращался, можно убѣдиться, что преступленiе въ концѣ-концовъ развивается при данномъ стеченiи обстоятельствъ роковымъ образомъ [1]). То же имѣетъ значенiе и въ отношенiи какого-либо самоубiйства.

Точно такъ же и въ томъ столкновенiи народовъ, которое мы переживаемъ нынѣ, дѣло идетъ

---

[1]) *В. Бехтеревъ*. Объективно-психологическiй методъ въ изученiи преступности. П. (См. также сборникъ, посвященный памяти Дриля).

о цѣломъ рядѣ условій, приведшихъ какъ бы роковымъ образомъ къ развитію текущихъ событій, въ свою очередь явившихся наслоеніями на всѣ предшествующія историческія событія, выковавшія съ одной стороны характеры и стремленія столкнувшихся между собою народовъ, съ другой создавшія ихъ соціально-экономическія, географическія и политическія условія.

Въ такихъ столкновеніяхъ народныхъ массъ отдѣльныя личности, какъ бы высоко онѣ ни стояли, ничуть не являются вершителями политическихъ событій, совершающихся по опредѣленнымъ историческимъ законамъ, а служатъ лишь простыми выразителями и лишь кажущимися руководителями общественныхъ теченій, народныхъ воль и народныхъ стремленій.

Вспомнимъ заключительное слово Л. Н. Толстого къ его знаменитому произведенію «Война и миръ», гдѣ нашъ великій писатель низводитъ отдѣльныхъ лицъ въ столкновеніи народовъ, бывшемъ 100 лѣтъ назадъ, въ періодъ Наполеоновскихъ войнъ, до степени исполнителей дѣйствія невѣдомыхъ силъ, скрывающихся въ общихъ историческихъ законахъ.

Этотъ взглядъ Л. Н. Толстого, совпадающій съ современными выводами историческихъ наукъ, говоритъ намъ, что и Вильгельмъ II не есть самовластный вершитель современныхъ событій, а на самомъ дѣлѣ является фигурой, хотя и поставленной судьбами исторіи въ центрѣ этихъ событій, но въ дѣйствительности, являющейся ис-

полнительницей велѣній судьбы, олицетворяющей въ своемъ лицѣ тотъ германскій милитаризмъ, позднѣйшіе корни котораго надо искать въ оглушительныхъ побѣдахъ 70-хъ годовъ и который нашелъ въ ней столь яркаго своего выразителя и вдохновителя.

Эта точка зрѣнія, конечно, ничуть не исключаетъ отвѣтственности отдѣльныхъ лицъ, ибо и сама личность въ предѣлахъ, предоставленныхъ ей полномочій, не остается безъ вліянія на ходъ событій, съ другой же стороны и отвѣтственность, поскольку она вліяетъ на дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, является факторомъ, имѣющимъ значеніе въ ходѣ событій, но, несомнѣнно, отвѣтственность ложится въ такихъ случаяхъ не на одного человѣка, а на всю ту массу лицъ, которая развивала, поддерживала и культивировала современный германскій милитаризмъ, противъ котораго и ведется настоящая война и во главѣ котораго по своему духу и по своему положенію стоитъ германскій императоръ Вильгельмъ II.

Второй пунктъ моей защиты Вильгельма II заключается въ томъ, чтобы доказать, что Вильгельмъ не сумасшедшій и не пораженъ вообще какой-либо извѣстной намъ формой душевной болѣзни, какъ о томъ многіе говорятъ.

Дѣло въ томъ, что строго объективное опредѣленіе душевной болѣзни состоитъ въ болѣе или менѣе явномъ, обусловленномъ болѣзнью, нарушеніи установившихся, вслѣдствіе воспитанія и вліянія среды, отношеній личности къ окру-

жающимъ условіямъ. Примѣняя это опредѣленіе къ Вильгельму II, мы убѣждаемся, что не только нѣтъ никакого нарушенія въ отношеніяхъ личности Вильгельма II къ окружающимъ его условіямъ, но, наоборотъ, Вильгельмъ II болѣе, чѣмъ кто-либо другой, является лицомъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ двояко-выпуклой чечевицы, собираются лучи германскаго милитаризма. Не даромъ Вильгельмъ II пользовался и пользуется до настоящаго времени въ широкихъ кругахъ населенія Германіи колоссальной популярностью. Поэтому одно изъ двухъ, либо германскій народъ en masse сошелъ съ ума и захватилъ въ своемъ эпидемическомъ распространеніи психоза германскаго императора, либо ни послѣдній, ни германскій народъ не страдаютъ сумасшествіемъ, а являютъ лишь плоды господства въ Германіи узкаго націонализма и милитаристическихъ стремленій и забвенія идей гуманизма временъ Гёте и Канта.

Первое граничило бы съ абсурдомъ, ибо, хотя намъ извѣстны массовые психозы, но ихъ развитіе и теченіе, какъ всякаго остраго психоза, ограничивается опредѣленнымъ, сравнительно небольшимъ временемъ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло съ систематически выраженнымъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и строго послѣдовательнымъ стремленіемъ германскаго народа къ міровому господству.

Для всѣхъ должно быть ясно, что съ тѣхъ

поръ, какъ создалась Германская имперія съ присоединеніемъ къ ней Эльзаса и Лотарингіи, она опредѣлила для себя временно предѣлъ распространенія германскаго владычества на Западѣ, ибо всякія попытки къ завладѣнію Бельгіей и Голландіей приводили бы ее неминуемо въ столкновеніе съ Англіей, что и случилось въ настоящую войну, она начала заботиться не только о сохраненіи своихъ новыхъ, насильственно отторгнутыхъ отъ Франціи, владѣній, но и о распространеніи своего владычества какъ на югѣ, подчиняя себѣ Австрію и Балканы, такъ и на востокѣ, создавая себѣ въ предѣлахъ Россіи германскія колоніи и заботясь о господствѣ на берегахъ Босфора въ Константинополѣ и во всей Турціи и даже проникая своимъ вліяніемъ въ предѣлы Персіи и Китая. Одновременно съ тѣмъ, Германія стала распространять свое колоніальное владычество и готовиться къ борьбѣ съ Англіей.

А все это и составило тотъ комплексъ условій, который привелъ политическую идеологію германскаго народа къ двумъ афоризмамъ «drang nach Osten»—дави на востокъ и «будущее Германіи на водахъ».

Въ этихъ двухъ стремленіяхъ со стороны германскаго народа, опредѣляемыхъ мѣткими афоризмами, изъ которыхъ послѣдній приписывается самому Вильгельму, и лежитъ причина современныхъ кровавыхъ событій. Но здѣсь мы встрѣчаемся съ систематической работой германскаго

ума, а не съ проявленіями сумасшествія. Конечно, здѣсь имѣются нѣкоторые признаки нерасчетливости. Такъ, напримѣръ, признавалось въ Германіи, что съ восточнымъ сосѣдомъ можно дѣлать все, что угодно, до полнаго отреченія его отъ своихъ историческихъ задачъ, но это оказалось не такъ. Простое презрительное молчаніе было отвѣтомъ на новыя дерзкія и унизительныя требованія Германіи къ ея восточному сосѣду [1]).

Это явилось для нѣмцевъ неожиданностью и въ этомъ ближайшая причина того драматизма, который переживаетъ нынѣ германскій народъ съ его главой, Вильгельмомъ II.

Въ этомъ, очевидно, еще нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на душевную болѣзнь Вильгельма, какъ руководителя своего народа, а дѣло идетъ о плохо разсчитанной игрѣ, ничуть не болѣе.

---

[1]) Удивительнѣе всего, что несговорчивость Россіи подчиниться этимъ требованіямъ вызывала въ германской печати сѣтованья на то, что Россія подвела тѣмъ самымъ Германію, ибо раньше она всегда исполняла почти безпрекословно всѣ требованія Германіи, а въ столкновеніи съ Сербіей дала соотвѣтственный отпоръ.

Этотъ фактъ напоминаетъ своеобразный анекдотъ объ одномъ изголодавшемся нищемъ, котораго англійская королева, сжалившись, велѣла нѣсколько разъ накормить, а когда было признано, что онъ уже достаточно откормленъ и стали ему отказывать, то онъ заявилъ претензію, что его желудокъ привыкъ къ новой пищѣ и что обходиться безъ нея онъ уже не можетъ.

Однако, Вильгельмъ II Гогенцоллернъ представляетъ собою несомнѣнно личность не совсѣмъ обычную, и притомъ личность, которую вполнѣ нормальною съ строго научной точки зрѣнія признать было бы трудно.

Начать съ того, что съ объявленіемъ настоящей войны Вильгельмъ унизилъ высокое достоинство монарха всѣмъ извѣстной ложью, заявивъ въ своей рѣчи къ народу при объявленіи войны, что будто бы на нѣмцевъ напали, тогда какъ онъ самъ, отвергнувъ посредничество Англіи въ Сербскомъ вопросѣ, посылаетъ дерзкій ультиматумъ Россіи и объявляетъ ей войну, несмотря на предложеніе посредничества и на заявленіе съ нашей стороны, что мобилизація направлена не противъ Германіи, а въ предупрежденіе нападенія Австріи па Сербію. Эта ложь тѣмъ болѣе знаменательна, что она произнесена была въ ту минуту, когда не могло не быть сознанія отвѣтственности предъ тяжелыми надвигающимися событіями, вызванными его же личными стремленіями умыть свои руки въ крови мирныхъ сосѣдей.

А что значитъ его заявленіе, обращенное къ своимъ солдатамъ на западномъ фронтѣ, что мы нѣмцы, наконецъ доберемся до «шкуры непріятеля», какъ о томъ оповѣщаетъ телеграфное агентство.

Не скрывается ли здѣсь тотъ цинизмъ, который такъ нагло напоминаетъ о себѣ міру въ лицѣ нѣмецкаго монарха о пресловутомъ furor tevtonicus.

Кто не помнитъ его же приказа «пощады не давать», «плѣнныхъ не брать», которымъ онъ сопровождалъ свои войска при отправленіи ихъ въ Китай подъ командой Вальдерзе и именно для того, чтобы по его словамъ даже и 1000 лѣтъ спустя въ Китаѣ помнили о нѣмцахъ и ихъ силѣ и чтобы ни одинъ китаецъ не осмѣлился бы косо посмотрѣть на нѣмца.

Не правда ли, и въ этихъ, и во многихъ другихъ заявленіяхъ Вильгельма скрывается болѣе чѣмъ довольно ничѣмъ не стѣсняющагося цинизма и жестокости, не знающей границъ. Образцомъ его жестокости можетъ служить, между прочимъ, и рѣчь его къ рекрутамъ Потсдама: «Новобранцы! запомните разъ навсегда, что германская армія должна быть постоянно готовой поражать враговъ, которые могутъ возникнуть среди своего же народа. Эти враги еще опаснѣе и ненавистнѣе, чѣмъ чужестранные. За послѣднее время недовѣріе и недовольство наподобіе гадовъ расползаются по странѣ нашей въ размѣрахъ, еще до сихъ поръ небывалыхъ... а потому вы каждую минуту можете быть призваны стрѣлять въ собственныя ваши семьи или же ударомъ сабли должны будете сразить отца, братьевъ и сестеръ».

Нужно ли еще новыхъ доказательствъ тому, что Вильгельмъ не только сторонникъ самыхъ суровыхъ мѣръ, но и является представителемъ яраго деспотизма и жестокосердія? Врядъ ли можно при этомъ сомнѣваться, что при иномъ

отношеніи къ дѣлу одно его присутствіе въ войскахъ устранило бы тѣ неслыханныя звѣрства, о которыхъ мы узнаемъ изъ лѣтописи настоящей войны.

Возьмемъ еще исторію дальше и вспомнимъ его же заявленіе о «обронированномъ кулакѣ», которымъ онъ грозитъ то Россіи, то Франціи, то Англіи, и о «другѣ въ блестящемъ вооруженіи», ставшемъ на помощь Австріи въ тотъ моментъ, когда она продѣлывала извѣстную политическую гнусность, называемую мирной аннексіей Босніи и Герцеговины. Сопоставьте съ этимъ постояннымъ бряцаніемъ оружія хвастливыя заявленія Вильгельма, что въ мірѣ нѣтъ вопросовъ, которые бы рѣшались безъ воли германскаго императора, что «изъ германской имперіи создалось міровое царство» или «гдѣ разъ нѣмецкій орелъ захватилъ владѣніе и запустилъ свои когти въ землю, тамъ земля становится нѣмецкой и нѣмецкой останется», наконецъ, его недавній приказъ войскамъ восточнаго фронта, что его устами говоритъ самъ Богъ, и вы убѣдитесь, что кромѣ лжи, жестокости и цинизма скрывается здѣсь уже поразительное не знающее предѣловъ самомнѣніе Вильгельма, вообразившаго себя сначала повелителемъ Европы, затѣмъ повелителемъ всего міра и, наконецъ, прямымъ наперсникомъ воли Божіей. Подтвержденіемъ послѣдняго могутъ служить слѣдующіе факты:

Въ одной изъ новыхъ полковыхъ церквей въ Берлинѣ императоръ повелѣлъ раздавать книжки

библіи со слѣдующей надписью: «я пойду среди васъ, и я буду вашимъ богомъ, и вы будете моимъ народомъ».

Въ августѣ 1897 г. въ Кобленцѣ онъ произноситъ рѣчь, въ которой недвусмысленно заявляются его права на управленіе Божіимъ царствіемъ.

Для характеристики этой стороны личности императора не лишено значенія замѣчаніе про него одной изъ сестеръ Вильгельма, которая высказала мысль, что его величество скоро пригласитъ луну раздѣлить съ нимъ ложе по примѣру римскаго императора, вообразившаго себя Богомъ.

Вильгельмъ вообще себя не мыслитъ иначе, какъ ставленникомъ Бога съ возложеніемъ на него миссіи въ видѣ созданія міроваго господства Германіи. Говорятъ, что онъ и не короновался до сихъ поръ въ ожиданіи момента, когда коронованіе могло бы произойти при условіяхъ болѣе удовлетворяющихъ его честолюбію.

Поэтому-то и въ религіи его привлекаетъ главнымъ образомъ библія съ ея повѣствованіями о томъ, какъ Богъ велъ свой избранный имъ народъ въ обѣтованную землю, уничтожая въ то же время другія народности. На борту «Гогенцоллерна», отправляя воскресную службу, онъ избираетъ текстъ библіи (II кн. Моисея XVI, 11), въ которомъ содержится указаніе, что, когда поднималъ свои руки Моисей, побѣждалъ израиль, когда же опускались его руки—ослабѣвали и израильтяне.

Съ другой стороны въ рѣчахъ своихъ Вильгельмъ не обходится безъ указаній на то, что его устами говоритъ самъ Богъ. Вотъ, напр., какъ онъ начинаетъ одну изъ своихъ рѣчей, сказанную имъ на секретномъ засѣданіи совѣта высшихъ чиновъ и содержавшую въ себѣ подготовку войны съ Англіей и Франціей въ цѣляхъ завоеванія владычества надъ міромъ:

«Господа, созывая Васъ сегодня, я слѣдовалъ божественному предуказанію. Всемогущій Богъ всегда былъ великимъ и вѣрнымъ союзникомъ дома Гогенцоллерновъ и въ Немъ, подобно моимъ августѣйшимъ предкамъ, я ищу предуказаній и руководительства въ часъ нужды и опасности. Послѣ долгихъ часовъ пламенной и усердной молитвы свѣтъ, наконецъ, снизошелъ на меня». Послѣ этихъ святотатственныхъ словъ идутъ лицемѣрныя разглагольствованія о его всегдашнихъ стремленіяхъ «поддержать миръ среди всѣхъ народовъ и культивированіе на основахъ взаимнаго уваженія и довѣрія, дружбы и благорасположенія ко всѣмъ націямъ земного шара»; затѣмъ идетъ рѣчь о крамольныхъ стремленіяхъ къ установленію республиканскаго строя правленія какъ въ населеніи Германіи, такъ и въ населеніи другихъ странъ и о необходимости всемѣрно бороться съ этимъ зломъ въ цѣляхъ устраненія грядущихъ государственныхъ потрясеній? «Я допускаю», говоритъ вѣнценосный ораторъ, «что горизонтъ мраченъ, но мы не должны отчаиваться, ибо Богъ, нашъ великій союзникъ,

далъ намъ въ руки средства спасти нашу имперію отъ опасностей, угрожающихъ ея счастью и благополучію. Вы знаете, что я хочу этимъ сказать. Я имѣю въ виду удивительное изобрѣтеніе гр. Цеппелина, которое съ помощью Бога послужитъ для насъ надежнымъ средствомъ для самосохраненія и славы нашего возлюбленнаго отечества. Этимъ изобрѣтеніемъ Небесный владыка далъ мнѣ въ руки вѣрное средство вывести Германію съ тріумфомъ изъ настоящихъ затрудненій и разъ навсегда осуществить на дѣлѣ слова поэта: «Deutschland, Deutschland über alles». Да, господа, Германія выше и прежде всего на свѣтѣ, Германія первая держава на землѣ, первая какъ въ мірѣ, такъ и въ войнѣ; вотъ какое мѣсто, съ Божьяго соизволенія, я долженъ завоевать ей и завоюю съ помощью Всемогущаго».

Итакъ, въ этой рѣчи, переданной намъ Wiliam'омъ въ книгѣ, озаглавленной Le Quex, на каждомъ шагу призывается Богъ и для чего же? для того, чтобы съ помощью арміи его шпіоновъ (sic!) найти справедливый предлогъ для войны и затѣмъ съ помощью Бога и нѣмецкихъ цеппелиновъ разгромить Англію, побѣдить Францію, обезоружить Россію, подчинить себѣ съ помощью нѣмецкихъ поселенцевъ Америку, ограбить огромной контрибуціей Англію и Францію и такимъ образомъ закончить съ Божіей помощью съ республиканскими стремленіями народа. Вы сомнѣваетесь? Но вотъ подлинныя слова въ дальнѣйшей части рѣчи императора: «Если Господь Богъ

пожелаетъ помочь намъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, я вѣрю, что въ концѣ наступающаго года императорская казна будетъ съ избыткомъ переполнена золотомъ, которое вынуждены будутъ заплатить Великобританія и Франція, въ видѣ вознагражденія за наши военныя издержки, что недовольство нашего народа прекратится, что благодаря пріобрѣтенію нами новыхъ колоній во всѣхъ частяхъ свѣта наша промышленность и торговля станутъ процвѣтать, какъ никогда, и что республиканское движеніе среди моихъ подданныхъ, столь противное моей душѣ, исчезнетъ навсегда». Заключается рѣчь міровымъ господствомъ Германіи надъ всѣми народами и возгласомъ «Германцы, впередъ!»

Мы не будемъ говорить о впечатлѣніи, производимомъ такими рѣчами на присутствующихъ, но для насъ интересно сопоставить со всѣмъ вышеуказаннымъ разсылку Вильгельмомъ въ началѣ великой войны унизительныхъ писемъ маленькимъ дворамъ Европы съ просьбой о поддержкѣ вступленіемъ въ войну, заканчивающихся фамиліарно-уничижительными подписями «Вилли», что явно стоитъ въ поразительномъ противорѣчіи съ тѣмъ олимпійскимъ величіемъ, которое сквозитъ во всѣхъ вообще хвастливыхъ заявленіяхъ Вильгельма.

Склонность быть первымъ въ сонмѣ европейскихъ повелителей не оставляетъ Вильгельма ни на минуту и въ то время, когда, напримѣръ, въ Китаѣ, во время боксерскаго возстанія, во

1900 г. убили нѣмецкаго посланника, онъ безъ достаточнаго основанія добивается того, чтобы спеціально посылаемый имъ для карательной экспедиціи Вальдерзе былъ назначенъ главнокомандующимъ европейскихъ войскъ. Нужды нѣтъ, что Вальдерзе опоздалъ, пріѣхавъ уже послѣ того, какъ союзныя войска вступили въ Пекинъ и въ числѣ ихъ первыми вошли въ древнюю столицу Китая русскіе. Но Вильгельмъ все же разыгралъ роль Агамемнона въ этомъ далекомъ походѣ, въ который, къ сожалѣнію, была вовлечена и Россія, а это удовлетворяло его честолюбіе и самолюбіе.

Не менѣе яркой чертой характера Вильгельма является его необычайная самоувѣренность, властолюбіе и деспотичность, допускающія около себя только подчиненныхъ, а не сотрудниковъ. Всѣмъ, вѣроятно, памятна исторія съ кн. Бисмаркомъ, котораго онъ вскорѣ послѣ восшествія своего на престолъ удалилъ только потому, что онъ «застилалъ ему солнце». Его изгнаніе онъ хотѣлъ лицемѣрно скрасить предоставленіемъ Бисмарку титула Герцога Ляуенбургскаго, котораго, какъ извѣстно, князь Бисмаркъ не принялъ. И, несмотря на то, что Вильгельмъ не переносилъ Бисмарка при его жизни, онъ заявляетъ послѣ его смерти, что въ лицѣ Бисмарка онъ будто бы «потерялъ второй разъ своего дѣда». Нетрудно усмотрѣть въ этомъ извѣстную дозу того лицемѣрія, которое такъ не къ лицу въ особенности ти[illegible]ственному повелителю европейскаго народа.

Въ одномъ нельзя отказать Вильгельму—это въ неограниченномъ полетѣ его мечты и желаній и въ его энергіи, доходящей до степени импульсивности, хотя цѣлесообразность его дѣйствій въ различныхъ случаяхъ подвергалась не только сомнѣнію, но нерѣдко и большому осужденію.

Между прочимъ, недавно появились воспоминанія о Вильгельмѣ II, изданныя на польскомъ языкѣ еще до войны, художника Войцѣха Коссака, который сблизился съ Вильгельмомъ II, вслѣдствіе увлеченія имъ батальной живописью. Осматривая картинную галлерею, Вильгельмъ заинтересовался картиной «Березина», на которой изображена переправа Наполеоновскихъ войскъ, заключившая собою финальный аккордъ разгрома ихъ въ Россіи. Авторъ наблюдалъ Вильгельма и въ офиціальной обстановкѣ, и въ семейномъ кругу, и въ интимной бесѣдѣ среди мужского общества, и въ своей собственной студіи. Надо сказать, что, хотя Войцѣхъ Коссакъ, какъ истый полякъ, впослѣдствіи разошелся съ Вильгельмомъ за его противопольскую политику въ Познани, но тѣмъ не менѣе онъ относится къ Вильгельму съ нѣкоторой долей дружбы, что увеличиваетъ цѣнность его характеристики императора. И вотъ, между прочимъ, Коссакъ отмѣчаетъ, какъ особенно характерную черту Вильгельма, это—его импульсивность. «Подъ впечатлѣніемъ какого-либо извѣстія или событія, по словамъ Коссака, онъ дѣйствуетъ немедленно».

Вполнѣ естественно, что за его дѣйствія потомъ

приходится расплачиваться придворнымъ, особенно канцлерамъ, которые въ такихъ случаяхъ говорятъ обыкновенно при Дворѣ, что Его Величество изволили увлечься («Seine Majestat haben sich hinreissen lassen»).

Характерна и идеологія Вильгельма.

«Sic volo—sic jubeo»—такъ хочу, такъ повелѣваю, подписываетъ онъ подъ своимъ портретомъ, подареннымъ одному изъ своихъ министровъ. «Suprema lex regis voluntas»—воля правителя—высшій законъ, его другое выраженіе — вписанное въ золотую книгу Мюнхена на мѣсто классическаго выраженія salus respublicae suprema lex. Тому же соотвѣтствуютъ и другія его выраженія на нѣмецкомъ языкѣ, напримѣръ: «одинъ господинъ въ Имперіи—это я»; или «мой суверенитетъ поставлю я, какъ бронзовую глыбу» и т. п.

Сравнивая себя съ великимъ курфюрстомъ, Вильгельмъ, между прочимъ, говоритъ: «Подобно этому предку и во мнѣ также живетъ непреклонная воля, которая вопреки всяческому противодѣйствію, безъ уклоненія ведетъ по пути, разъ признанному правильнымъ».

При всемъ томъ Вильгельмъ выставлялъ себя, гдѣ нужно, миролюбцемъ и былъ моментъ, когда одинъ изъ австрійскихъ дѣятелей нѣкто Фриде не безъ нѣкоторыхъ шансовъ на успѣхъ усиленно хлопоталъ о предоставленіи ему Нобелевской преміи мира, а извѣстный покровитель пропаганды мира, американецъ Корнеги, вступаетъ съ нимъ въ серьезную переписку по вопросу объ установленіи

всеобщаго мира, несмотря на то, что никто иной, какъ представитель Германіи, противодѣйствовалъ развитію мирныхъ идей на Гаагской конференціи.

На ряду съ этимъ нельзя не вспомнить постоянной страсти Вильгельма къ позировкѣ, къ «красивому жесту» и къ рекламѣ.

Въ то время, какъ въ семейной обстановкѣ Вильгельма господствуютъ чисто-бюргерскіе нравы и семейная простота, съ оттѣнкомъ, впрочемъ, нѣкоторой дѣланности, въ торжественной обстановкѣ Вильгельмъ всегда заботится объ императорской позѣ, принимая видъ грознаго повелителя. Коссакъ описываетъ его такъ:

«Усы, сердито заостренные, перпендикулярно подняты вверхъ, ясно-голубые глаза смотрятъ на приближающуюся блѣдную жертву, руки сложены на мечѣ, словно онъ хочетъ устрашить подходящаго къ нему преступника или преступницу. Императрица ласковой улыбкой нѣсколько приводитъ въ равновѣсіе раздавленныхъ суровымъ взглядомъ императора придворныхъ и дипломатовъ и, главнымъ образомъ, женщинъ, которыя готовы упасть въ обморокъ».

Внѣшности, какъ и этикету вообще, Вильгельмъ придаетъ большое значеніе. О строгостяхъ этикета при Берлинскомъ дворѣ писалось много и нѣтъ надобности здѣсь объ этомъ распространяться. Но интересно, какъ въ торжественныхъ случаяхъ держитъ себя самъ императоръ. «Принимая на аудіенціи, по словамъ Коссака, онъ держитъ лѣвой рукой офицерскую шапку, спеціально приспособ-

ленную къ этой цѣли. Лѣвая рука такимъ образомъ въ нѣсколько согнутомъ положенiи и не бросается въ глаза, что она короче правой». Между прочимъ, особенной заботой о внѣшнемъ видѣ объясняется поразительная склонность его къ перемѣнѣ своего платья. Извѣстно, что императоръ Вильгельмъ обладаетъ необычайно большимъ количествомъ мундировъ и сюртуковъ на всевозможные случаи и въ этомъ отношенiи у него проявляется слабость поразить встрѣчающихъ его лицъ внезапнымъ измѣненiемъ его внѣшности. Напримѣръ, онъ подъѣзжаетъ къ берегамъ Англiи въ своемъ военномъ костюмѣ. Всѣ его въ такомъ видѣ усматриваютъ при приближенiи яхты къ берегу. Въ такомъ костюмѣ онъ раскланивается публикѣ; но судно подходитъ къ берегу и съ необыкновенной быстротой императоръ переодѣвается, что ужъ неоднократно вызывало замѣшательство лицъ, его встрѣчающихъ, ибо они такимъ образомъ ставились въ крайне неловкое для нихъ положенiе, не имѣя возможности сразу узнать императора среди его придворныхъ.

О количествѣ мундировъ Вильгельма можно судить потому, что онъ однажды самъ какъ-то заявилъ, что онъ могъ бы одѣть въ свои мундиры офицеровъ десяти корпусовъ.

Кромѣ мундировъ полковъ всѣхъ германскихъ государствъ тѣ или другiя церемонiи и празднества при дворцѣ, какъ, напр., прiемъ иностранныхъ посланниковъ и гостей, а также охота и другiе случаи даютъ Вильгельму поводъ появляться все

въ новыхъ и новыхъ костюмахъ иногда даже фантастическаго образца. Такъ для колоній Вильгельмъ наряжается въ костюмъ, представляющій собою смѣсь военной формы съ колоніальнымъ костюмомъ. Напр., для африканскихъ колоній онъ приказалъ выбить медаль съ своимъ изображеніемъ въ костюмѣ Цезаря съ Прусскимъ орломъ.

Въ обращеніи, Вильгельмъ, по словамъ Коссака, отличается фамильярностью, подражая въ этомъ отношеніи, какъ и во многомъ другомъ великому корсиканцу Наполеону I, котораго онъ изучалъ по мемуарамъ. Даже при благодушномъ настроеніи Вильгельмъ поражаетъ иногда грубостью, даже жестокостью. Между прочимъ, по словамъ Коссака, онъ взялъ себѣ въ привычку неожиданно ударять по животу своихъ флигель-адъютантовъ острымъ наконечникомъ своей каски, что должно было вызывать у нихъ своеобразный рефлексъ. Коссакъ разсказываетъ также очень характерную сценку, происшедшую въ его студіи съ флигель-адъютантомъ майоромъ фонъ-Б. Вильгельму вздумалось составить содержаніе новой картины для каталога выставки. Онъ тотчасъ же обратился къ своему адъютанту, заявивъ: «я вамъ продиктую, дайте блокъ-нотъ, карандашъ, а вы пишите». Будучи ростомъ нѣсколько выше своего адъютанта, императоръ сталъ за его спиной и, смотря черезъ плечо, какъ майоръ пишетъ подъ его диктовку, сталъ выразительно диктовать названіе картины, сопровождая каждое свое слово увѣсистыми ударами по головѣ майора фонъ-Б. Erstes—пафъ, Leibgre-

nadier—пафъ, Regiment—пафъ. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ ударовъ, когда русая голова майора начала качаться наподобіе маятника, онъ притиснулъ его къ себѣ все той же сильной правой рукой и такимъ образомъ окончилъ диктовку.

Относясь столь пренебрежительно къ здоровью и жизни другихъ, Вильгельмъ въ то же время какъ всѣ себялюбивые дегенераты поражаетъ своею мнительностью по отношенію къ собственному здоровью. Онъ страшится малѣйшей заразы и всякой вообще болѣзни. Въ дѣйствующей арміи его сопровождаетъ, кромѣ военной свиты, цѣлый сонмъ врачей и санитаровъ, служащихъ въ то же время дезинфекторами окружающей мѣстности. При ничтожномъ насморкѣ Вильгельмъ немедленно укладывается въ постель, отмѣняетъ всѣ аудіенціи, усиленно глотаетъ лѣкарства и ежедневно выслушиваетъ подробные бюллетени о ходѣ своей болѣзни.

Неосторожное чиханіе кого-либо во дворцѣ приводитъ уже къ удаленію изъ дворца, при чемъ чихнувшій не можетъ уже показаться во дворцѣ раньше, чѣмъ будетъ представлено офиціальное удостовѣреніе о полномъ здоровьѣ.

Однажды Вильгельмъ, пріѣхавъ къ одному изъ своихъ родственниковъ и узнавъ, что младенецъ, сынъ хозяина, боленъ, поблѣднѣлъ и немедленно потребовалъ укладывать чемоданы. Его едва успокоили, заявивъ, что дѣло идетъ о простомъ прорѣзываніи зубовъ у младенца.

Не менѣе поразительна склонность Вильгельма

къ рекламѣ, къ которой онъ испытываетъ непре-
олимое пристрастіе. Несчастные канцлеры не
ъ были поставлены, благодаря этой склонности
ператора къ рекламѣ, въ тяжелое положеніе,
) ихъ самыя осторожныя и тонко задуманныя
ломатическія комбинаціи лопались, какъ мыль-
й пузырь изъ-за неумѣстной рѣчи, телеграммы
и письма императора.

Вообще крайне поразительно стремленіе импе-
тора дѣлать шумъ около своего имени. Гдѣ бы
ъ ни показался, онъ непремѣнно дѣлаетъ изъ
го особую помпу и говоритъ рѣчь, часто вызы-
ющаго характера, нерѣдко съ бряцаніемъ ору-
ія, съ угрозой «бронированнымъ кулакомъ», ко-
рая не можетъ не быть предметомъ обсужденія и
ковъ какъ у себя, дома, такъ и за грани-
й, а иногда и предметомъ дипломатическихъ
просовъ.

Достаточно здѣсь вспомнить бутафорскую обста-
вку путешествія его на Востокъ и его рѣчь въ
маскѣ, гдѣ онъ выставляетъ себя другомъ
) милліоновъ мусульманъ.

Его склонность къ рекламѣ и прославленію
ія объясняетъ и стремленіе его проявить се-
на всѣхъ поприщахъ человѣческой дѣятель-
сти.

Всѣмъ извѣстно, что не будучи никогда худож-
комъ, онъ дѣлаетъ пробы въ этомъ отношеніи,
давая наброски для картинъ о желтой опасно-
, подъ которой онъ дѣлаетъ собственноручную
роговѣщательную подпись: «Народы Европы, бе-

регите ваши священныя блага»[1]). Нечего говорить, что вооруженная Германія на этой картинѣ выступаетъ во главѣ всѣхъ другихъ вооруженныхъ народовъ Европы. Менѣе извѣстенъ его рисунокъ Вильгельма-завоевателя, вступающаго въ лондонскій тоуеръ, хотя этотъ рисунокъ, какъ говорятъ, былъ созданъ въ связи съ мечтой Вильгельма II вступить такимъ же завоевателемъ въ современный Лондонъ.

Но Вильгельмъ не только живописецъ, онъ и зодчій, и скульпторъ. Такъ, по своимъ личнымъ соображеніямъ, онъ исправляетъ средневѣковые проекты Кельнскаго собора и тѣмъ, конечно, портитъ замѣчательное твореніе искусства. Въ другомъ случаѣ, онъ задумываетъ украсить Берлинъ извѣстной «аллеей побѣды» и заставляетъ по собственному плану извѣстныхъ скульпторовъ осуществить во вкусѣ прусскаго юнкерства бездарный рядъ статуй.

Но ему мало быть художникомъ, зодчимъ и скульпторомъ, ибо онъ заявляетъ себя и композиторомъ, написавъ извѣстный «гимнъ Эгиру» [2]),

[1]) Этотъ лозунгъ борьбы за свободу націй нынѣ, по странной ироніи судьбы, обратился противъ самого Вильгельма.

[2]) Въ запискахъ графини Урсулы Эппингховенъ (пер. по-русски Н. А. Темировой), въ которыхъ приведено много интересныхъ чертъ изъ жизни императора Вильгельма, содержится между прочимъ и подробность о томъ, какъ творился этотъ гимнъ Эгиру. Дѣло идетъ о разговорѣ между Шарлоттой Мейнингенской (сестрой

чтобы ему [illegible] рѣчь [illegible] затѣмъ «вмѣстѣ съ Леонковалло онъ сочиняетъ оперу Роландъ».

Но и этимъ не довольствуется Вильгельмъ. Вездѣ и всюду произнося рѣчи, онъ рекламируетъ себя, какъ искусный ораторъ. Правда, рѣчи его составляютъ несчастье министровъ, но зато объ этихъ рѣчахъ говорятъ всюду, и на родинѣ, и за границей.

Вильгельма II) и адъютантомъ императора г. Мольтке. Послѣ нѣсколькихъ испытывающихъ вопросовъ графиня, обратившись съ ироническимъ смѣхомъ къ адъютанту, заявила: «А теперь я постараюсь вамъ разсказать, милый майоръ, какъ на самомъ дѣлѣ все происходило. Императоръ ударилъ однимъ пальцемъ по клавишамъ, въ это время нѣкій бѣлокурый гигантъ, приблизительно вашего роста, ставъ позади его величества, началъ наигрывать музыкальный отрывокъ, который уже давно сложился у него въ головѣ. Этотъ мотивъ понравился его величеству, который для приличія прибавилъ одну-двѣ ноты и когда это музыкальное произведеніе начало принимать болѣе совершенную форму, тогда мой великій братъ воскликнулъ: «Вотъ это дѣйствительно будетъ дивнымъ аккомпанементомъ для «сѣверной легенды» гр. Этленбурга. Позовите его сюда немедленно!» И когда еще и этотъ трубадуръ присоединился къ вамъ, тогда вы всѣ трое принялись за работу, а затѣмъ произвели на свѣтъ ту ужасную какофонію, которая и называется «гимномъ Эгиру»... Доканчивать же это великое произведеніе пришлось проф. Бекеру, который оркестровалъ его, за что и былъ награжденъ крестомъ «Гогенцоллерновъ».

Какъ извѣстно, въ этихъ рѣчахъ Вильгельмъ II иногда такъ зарапортовывался, что общественное мнѣніе гласно требовало предварительной цензуры его словъ со стороны германскаго канцлера.

Согласитесь, что это уже слишкомъ, ибо если въ приличномъ обществѣ кто-либо увлечется хлестаковщиной, то и тогда считаютъ неделикатнымъ его останавливать, а для императора собственный народъ и печать одно время всегласно требовали предварительной цензуры рѣчей, которыя къ тому же въ собственной странѣ обычно печатаются съ значительными купюрами.

Наконецъ, и лавры писателя ему не чужды, ибо рѣчи его, какъ извѣстно, издаются въ собственной странѣ и даже переводятся на иностранные языки [1]).

Мало того, во время своихъ путешествій къ «сѣверному полюсу», какъ любятъ выражаться нѣмцы, Вильгельмъ принимаетъ на себя неожиданно для всѣхъ роль пастора и подвизается на почвѣ богослуженія и религіознаго проповѣдничества. Развѣ это не странность, граничащая болѣе чѣмъ съ чудачествомъ.

Разнообразная дѣятельность Вильгельма, его идеологія и поразительная энергія не разъ, конечно, служила предметомъ юмора и сатиры въ различ-

[1]) Рѣчи Вильгельма вышли въ Германіи отдѣльнымъ изданіемъ. Въ трудѣ Аррена о Вильгельмѣ II сдѣланъ экстрактъ изъ рѣчей. Этотъ трудъ имѣется и въ русскомъ переводѣ.

ныхъ журналахъ и изданіяхъ. Въ этомъ отношеніи особенно характернымъ можетъ считаться опубликованный нѣсколько лѣтъ назадъ въ одномъ изъ заграничныхъ журналовъ дневникъ императора Вильгельма. Приведемъ этотъ остроумный шаржъ, дышащій сарказмомъ и въ то же время мѣткой характеристикой личности Вильгельма.

Воскресенье. (На палубѣ «Гогенцоллерна»).

Сейчасъ совершилъ богослуженіе для моихъ матросовъ. Между германскимъ народомъ и Богомъ не долженъ стоять никто, кромѣ его императора. Произнесъ на эту тему проповѣдь. Всѣ очень тронуты и кричали «ура». Мой морской министръ сказалъ мнѣ, что до сихъ поръ онъ былъ невѣрующимъ, а теперь почувствовалъ раскаяніе и увѣровалъ. Вечеромъ составлялъ планъ войны съ Англіей. Итальянскій флотъ соединяется съ австрійскимъ, турецкимъ, румынскимъ и болгарскимъ на второй день мобилизаціи. На четвертый день уничтоженіе французскаго флота въ водахъ Корсики. Шестой и седьмой день бомбардировка Тулона и Марселя. Одновременно мой балтійскій флотъ, соединившись со шведскимъ флотомъ, занимаетъ проливы, бомбардируетъ Копенгагенъ, проходитъ на востокъ, уничтожаетъ русскія эскадры и забрасываетъ бомбами Либаву, Виндаву, Ригу, Ревель, Або и Гельсингфорсъ. На 22-й день мобилизаціи первый бой съ средиземной англійской эскадрой; молніеносная побѣда, бомбардировка Гибралтара, капитуляція. Черезъ три дня англійскій флотъ взятъ между двухъ огней;

рѣшительный бой, побѣда; вопросъ о десантѣ и торжественномъ вступленіи въ Лондонъ обдумать. Завтра принимаю гостей: англійскихъ моряковъ. Рѣчь о братствѣ великихъ родственныхъ націй: германской и англо-саксонской. Обдумать, возможенъ ли союзъ съ Соединенными Штатами. О, тогда бы на 14-й день мобилизаціи... Пошлю завтра сѣверо-американскому послу свой портретъ. Надпись «Императоръ Германіи—представителю великой родственной націи».

Понедѣльникъ. Вагнеръ—великій музыкантъ. Я вчера слушалъ его «Лоэнгрина». Прекрасно схваченъ рыцарскій духъ германской расы. Всѣ великіе люди были нѣмцами. Аттила былъ, несомнѣнно, германцемъ. Гуннъ, Гуннаръ, Gunst—милость; гунны — тевтонское племя. Нѣмцы уже разъ завоевали міръ. Надо поставить памятникъ Аттилѣ. Вечеромъ сдѣлаю набросокъ. Пока надо принять канцлера. Я вчера послалъ телеграмму китайской императрицѣ; высказалъ надежду, что Китай оцѣнитъ мою работу на пользу мира и поэтому отдастъ намъ концессіи въ долинѣ Желтой рѣки. Канцлеръ ворчитъ.

Да, о музыкѣ; набросалъ гимнъ, который воодушевитъ всѣхъ нѣмцевъ. Я его назвалъ гимномъ Эгиру.

Вторникъ. Великіе монархи средневѣковья строили вѣковѣчные храмы. Нѣмецъ никого и ничего не боится. Нѣмцу всѣ и все по плечу. Велѣлъ принести чертежи Кельнскаго собора. Прикажу достроить. Но надо немного прибавить

вышину башенъ. Пусть говорятъ потомки, что башни Кельнскаго собора, построенныя Вильгельмомъ-завоевателемъ, грозно, какъ смотрѣлъ онъ самъ, глядятъ къ западу на границы Франціи и къ сѣверу на море. Будущее Германіи на моряхъ.

Среда. Предъ завтракомъ думалъ о роли женщины въ современномъ обществѣ. Все глупости. Женщина должна знать только дѣтскую, кухню и церковь. А всѣ эти соціалъ-демократки и суффражистки—глупость и недомысліе. Надо обратить вниманіе на платья фрейлинъ, запретить корсеты и узкія юбки. Утромъ говорилъ съ канцлеромъ; находитъ, что мнѣ не слѣдовало посылать привѣтственной телеграммы султану по поводу уничтоженія курдами 17.000 армянскихъ революціонеровъ. И эти люди думаютъ, что умѣютъ дѣлать политику! Старикъ Бисмаркъ дѣлалъ иначе. Посылаю инструкцію послу относительно концессіи въ Малой Азіи. Въ 17-мъ артиллерійскомъ полку у солдатъ плохо отчищены каски; вѣроятно командиръ гуманничаетъ. Результатъ свободы печати. Нельзя ли запретить печатать о дѣлахъ офицеровъ, обвиняемыхъ въ истязаніи солдатъ. Гогенцоллерны всегда поддерживали дисциплину палкой.

Четвергъ. Новый вальсъ для придворныхъ баловъ законченъ. Надо бороться съ современной распущенностью. Днемъ ѣздилъ на охоту къ принцу Генриху. Затравили кабана. Я прикончилъ его рогатиной. Горячая кровь брызнула

ключемъ. Гогенцоллерны никогда не боялись крови. За завтракомъ говорилъ съ кронпринцемъ о войнѣ на два фронта. Мальчикъ еще выраститъ. Послалъ телеграмму въ Корфу, чтобы изъ моего дворца выкинули статую Гейне. Покойная императрица Елизавета преклонялась предъ памятью этого франкфуртскаго еврея. Революціонеры—ничтожество, я даже не читалъ его сочиненій. Баронъ фонъ-Трептовъ вполнѣ правъ, когда говоритъ, что книги такихъ «знаменитостей» слѣдовало бы сжечь рукой палача. Вечеромъ буду говорить въ ратушѣ по случаю побѣды надъ герреросами. Надо воодушевить добрыхъ бюргеровъ и попугать французовъ.

Пятница. Добрый императоръ Францъ-Іосифъ боленъ. Онъ старъ и дряхлъ. Сочувственная телеграмма эрцгерцогу. Въ Австріи слишкомъ много славянъ. Обдумать мѣры борьбы. Трудная задача. Много дѣтей, принять мѣры къ увеличенію рождаемости въ нѣмецкихъ семьяхъ. Обдумать. Опять говорилъ о войнѣ. Моранси министръ, по совѣту Мольтке, настаиваетъ, чтобы рѣшительную побѣду на морѣ одержать не на 22-й, а на 17-й день мобилизаціи. Вечеромъ игралъ по этому поводу въ морскіе шахматы. Для побѣды не хватаетъ двухъ фигуръ. Переговорить съ канцлеромъ о постройкѣ новыхъ судовъ; рейхстагъ въ случаѣ надобности распустить. Послѣ обѣда далъ аудіенцію англійскому послу. Онъ опять говорилъ о пріостановкѣ морскихъ вооруженій; я просилъ передать премьеръ-ми-

нистру, что вѣчный миръ—моя любимая мечта Произвелъ въ полковники майора фонъ-Притвица Вторую недѣлю на него лаетъ вся либеральная свора за то, что онъ велѣлъ побить какихъ-то двухъ француженокъ въ Мюльгаузенѣ, громко сказавшихъ въ кафе, что Парижъ красивѣе Берлина и что нѣмки не умѣютъ одѣваться. Когда я объявлю войну Россіи, пошлю его въ оккупаціонномъ отрядѣ. Это настоящій германецъ. И внуки побѣжденныхъ будутъ дрожать, слыша его имя.

Суббота. Рѣшилъ поставить памятники всѣмъ моимъ предкамъ и назвать это сооруженіе «Аллея Побѣды». «Мы Гогенцоллерны—гордость Германіи. Намъ суждено владычество надъ міромъ. Въ свое время этотъ рядъ памятниковъ будетъ центромъ міра, какъ нѣкогда императорскій форумъ въ Римѣ. Это будетъ при моей жизни. «Аллея Побѣды» будетъ прекрасна. Я пересмотрѣлъ портреты: мои предки, къ счастью, очень симметричны. Иначе, конечно, и быть не могло. Духъ Гогенцоллерновъ не терпитъ безпорядка во внѣшности. Кнауфъ закончилъ портретъ. Прекрасно. Я очень грозенъ».

Трудно кажется болѣе рельефно, чѣмъ въ этомъ дневникѣ, представить всѣ особенности характера и идеологіи императора Вильгельма.

Мы не станемъ отрицать, что эта идеологія является прямымъ отраженіемъ идеологіи извѣстныхъ слоевъ германскаго общества, откуда и та необычайная популярность, которою пользуется Вильгельм

у себя на родинѣ. Эта идеологія прусскаго юнкерства и нѣмецкаго мѣщанства глубоко вкоренилась въ германское населеніе послѣ оглушительныхъ побѣдъ 70-хъ годовъ и съ тѣхъ поръ постоянно культивируется извѣстными слоями общества [1]). Вильгельмъ очевидно впиталъ эту идеологію отъ своего же народа. Его мать, родомъ англичанка, была поражена этимъ своеобразнымъ духовнымъ колоритомъ, господствовавшимъ при нѣмецкомъ дворѣ и, стремясь устранить нежелательныя вліянія на сына, настояла на томъ, чтобы отдать его первоначально въ гимназію въ г. Кассель, а затѣмъ въ Боннскій университетъ. Но и тамъ, и здѣсь пахло тѣмъ же духомъ и въ концѣ-концовъ мать съ ужасомъ увидѣла, что все то, съ чѣмъ она хотѣла бороться мѣрами общественнаго воспитанія, привилось ея сыну прочно и навсегда.

Но это дѣло взглядовъ, которые тѣмъ не менѣе не должны закрывать предъ нами несомнѣнно неуравновѣшенной натуры Вильгельма, какъ человѣка лицемѣрнаго, въ высшей степени жестокосерднаго и жестокаго съ чрезмѣрно повышеннымъ до ненормальности самомнѣніемъ, удивительнаго рекламиста, большого фантазера, не лишеннаго, правда, нѣкоторыхъ дарованій, и склоннаго къ импульсивности и позерству.»

Перейдемъ теперь къ оцѣнкѣ этическихъ качествъ Вильгельма. О склонности ко лжи и стре-

---

[1]) См. объ этомъ кн. проф. *М. Рейснера*: Вильгельмъ II и Желѣзная имперія. Петроградъ, 1914.

мленіи постоянно прикрываться дѣйствующею черезъ него божественною волею рѣчь у насъ была выше. Пойдемъ дальше. Сколько извѣстно, своего отца Фридриха Вильгельмъ съ нѣкоторой долей презрѣнія называлъ не иначе какъ «мужемъ англичанки», «безсильнымъ мечтателемъ», заявляя, что такимъ мечтателямъ мѣсто не на престолѣ.

Когда воцарился въ Германіи больной Фридрихъ и дни его были уже сочтены, сынъ Вильгельмъ проявлялъ явное нетерпѣніе къ тому, скоро ли кончится его царствованіе. Не было и помину о возможности съ его стороны облегченій страданія отца, какъ и объ утѣшеніи своей матери, которую ожидало вдовство.

Это презрительное отношеніе къ своимъ родителямъ тогда же упрочило за нимъ кличку «дурного сына», которая до такой степени возбуждала противъ него общественное мнѣніе всей Европы и возбуждала нравственное къ нему отвращеніе, что съ его воцареніемъ главы другихъ государствъ избѣгали съ нимъ встрѣчъ. Такъ принцъ Уэльскій впослѣдствіи Эдуардъ VII, гостившій тогда въ Вѣнѣ, поспѣшилъ намѣренно скорѣе ее оставить, чтобы избѣжать свиданія съ новымъ императоромъ, а императоръ Александръ III не менѣе умышленно прослѣдовалъ впослѣдствіи черезъ Берлинъ, не предувѣдомивъ объ этомъ Вильгельма.

Правда, съ своимъ воцареніемъ Вильгельмъ открылъ серію своихъ путешествій по Дворамъ Европы и, слѣдовательно, вынуждалъ къ отвѣтнымъ визитамъ, но эти посѣщенія Высочайшихъ

особъ Европы видимо не оставляли благопріятнаго для него впечатлѣнія, а папа Левъ XIII, которому онъ тоже навязалъ свой визитъ, предугадательно даже опредѣлилъ его судьбу, сказавъ, что «это весьма упрямый и тщеславный молодой человѣкъ, царствованіе котораго окончится катастрофой».

Далѣе, о моральныхъ качествахъ Вильгельма мы можемъ судить по его извѣстной телеграммѣ президенту Бурской республики Крюгеру, послѣ которой онъ заклеймилъ себя позорной измѣной своему слову; не меньше значенія имѣетъ и его своекорыстная дружба съ краснымъ султаномъ въ періодъ армянской рѣзни.

Оцѣнкой его моральныхъ качествъ можетъ служить и та поразительная неблагодарность, которою онъ заплатилъ своимъ испытаннымъ сотрудникамъ, Бисмарку, Каприви, Гогенлое, Бюлову и даже близкимъ членамъ своей семьи, напримѣръ, своему отцу Фридриху и императрицѣ Августѣ, что однако не помѣшало воздавать имъ впослѣдствіи свои похвалы.

Не менѣе характерны въ этомъ отношеніи и его приказы, хотя бы напр., недавній его приказъ къ своимъ войскамъ на западномъ фронтѣ «людей не жалѣть».

Наконецъ, припомнимъ извѣстный случай съ потопленіемъ гигантскаго англійскаго парохода «Лузитанія», на которомъ погибло отъ взрыва миной германской подводной лодки болѣе двухъ тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ, въ томъ числѣ множество женщинъ и дѣтей.

Весь міръ содрогнулся отъ ужаса при извѣстіи объ этой катастрофѣ, а между тѣмъ Вильгельмъ, по приказу котораго была потоплена «Лузитанія», награждаетъ командира подводной лодки орденомъ «Pour la merite». Мнѣ припоминается затѣмъ много меньше значительный, но не менѣе характерный случай, имѣвшій мѣсто много лѣтъ тому назадъ среди мирной обстановки въ Берлинѣ. На одной изъ бойкихъ улицъ произошелъ слѣдующій эпизодъ. Между однимъ изъ студентовъ и проходившимъ солдатомъ произошли какія-то пререканія. Недолго думая, солдатъ схватился за ружье и выстрѣлилъ въ студента, убивъ его наповалъ. Проходившая публика не могла не возмутиться происшедшимъ. Но солдатъ съ ружьемъ на-перевѣсъ охранялъ трупъ убитаго до тѣхъ поръ, пока не явилась карета скорой помощи. Происшествіе взволновало весь Берлинъ, ибо каждый понималъ, что онъ не гарантированъ въ отношеніи своей безопасности. Въ печати поднялся шумъ. Всѣ ждали какъ отнесется къ поступку солдата Вильгельмъ. И что же? Послѣдовалъ приказъ, одобрявшій это убійство.

Что все это значитъ, какъ не ясное пониженіе моральныхъ качествъ личности?

О томъ, что Вильгельмъ съ лицемѣрнымъ словомъ миролюбія на устахъ такъ безразсудно и безсмысленно затопилъ кровью свою страну и всю Европу, нечего и говорить. И теперь, когда планъ покоренія Европы ему не удается, онъ, какъ сообщаютъ газеты, желаетъ будто бы уста-

новить миръ, но, разумѣется, не иначе, какъ путемъ предательства своихъ друзей, Австріи и Турціи, раздѣляющихъ съ нимъ кровавые лавры.

Все это характеризуетъ личность Вильгельма, какъ личность дефективную и аморальную.

Но имѣются факты, которые относятся уже къ разряду явно патологическихъ. Возьмите, напримѣръ, фактъ, относящійся, правда, къ давнему прошлому, о которомъ въ свое время телеграммы оповѣщали весь міръ—фактъ, состоящій въ томъ, что императоръ Вильгельмъ во время охоты дѣлалъ по 1000 выстрѣловъ въ сутки. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что тогда дѣло шло о несомнѣнно болѣзненномъ возбужденіи, очевидно случающемся съ нимъ время отъ времени. Это возбужденіе, кажется, связывали лѣчившіе его тогда врачи съ хроническимъ процессомъ въ ухѣ.

О наступавшихъ временами патологическихъ состояніяхъ у Вильгельма говорятъ и другія телеграфныя сообщенія и даже еще недавно, во время перенесенной Вильгельмомъ инфлуэнцы, телеграммы оповѣщали весь міръ о какой-то «нервной прострацiи» у Вильгельма.

Есть затѣмъ частныя указанія, что Вильгельмъ нѣсколько лѣтъ назадъ подвергся острому приступу психическаго разстройства. Само собою разумѣется, что отъ публики это было также скрыто подъ видомъ недомоганія императора отъ случайно будто бы полученнаго имъ ушиба колѣна. Очень характерно, что Вильгельмъ въ

это время бредилъ будто бы войной съ Россіей и Франціей и давалъ въ бреду распоряженія боевого характера.

Но и въ періоды относительнаго здоровья, Вильгельмъ говоритъ рѣчи и отдаетъ приказы, въ которыхъ выставляетъ себя беззастѣнчиво исполнителемъ воли Бога, что граничитъ уже съ бредомъ. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ недавняго его приказа войскамъ на восточномъ фронтѣ: «Помните, что вы избранный народъ. Духъ Господень снизошелъ на меня, какъ на императора германцевъ. Я — орудіе Всемогущаго. Я—Его мечъ и Его представитель. Горе и гибель противящимся моей волѣ. Горе и гибель невѣрующимъ въ мое назначеніе, горе и гибель всѣмъ трусамъ. Да погибнутъ въ позорѣ всѣ враги германскаго народа. Богъ требуетъ ихъ исправленія. Моими устами Богъ повелѣваетъ вамъ исполнить Его волю».

Тѣмъ не менѣе и эти періоды временнаго возбужденія, и эти рѣчи, граничащія съ бредомъ, не доказываютъ еще душевной болѣзни Вильгельма, ибо все, что мы знаемъ о Вильгельмѣ съ психопатологической стороны, не можетъ быть подведено, какъ уже упоминалось, ни подъ одну изъ извѣстныхъ намъ формъ душевныхъ болѣзней, имѣющихъ каждая свои характерныя особенности и опредѣленное теченіе.

А, между тѣмъ, и періоды возбужденія, и бредовой характеръ заявленій свойственны не однимъ душевнобольнымъ, но и такъ называемымъ дегенератамъ.

Ясно, что если Вильгельмъ не можетъ быть признанъ душевнобольнымъ человѣкомъ, то онъ не можетъ быть названъ и вполнѣ здоровымъ, ибо вышеуказанныя особенности его натуры доказываютъ его неуравновѣшенность и склонность къ ненормальнымъ психическимъ проявленіямъ и разстройствамъ, которыя столь обычны для всѣхъ вообще дегенератовъ.

При этомъ нельзя не обратить вниманія на наслѣдственность Вильгельма, происходящаго отъ отца, страдавшаго ракомъ или какъ иные говорятъ, сифилисомъ горла, при чемъ и самъ Вильгельмъ страдаетъ хроническимъ пораженіемъ горла и съ дѣтства страдаетъ наслѣдственной болѣзнью уха, извѣстной подъ названіемъ болѣзни Вильдермута. Не безъ значенія въ этомъ отношеніи также существующее у него укороченіе и неполное владѣніе лѣвой руки, которое будто бы передалось и одному изъ его незаконныхъ дѣтей.

Если послѣднее вѣрно, то здѣсь мы черпаемъ указаніе, что укороченіе руки Вильгельма представляется врожденнымъ недостаткомъ, а не пріобрѣтеннымъ при рожденіи вслѣдствіе вывиха ручки, какъ заявляютъ нѣкоторые изъ приближенныхъ, ибо пріобрѣтенныя поврежденія, какъ извѣстно, не передаются въ потомство.

Наконецъ, отмѣтимъ у Вильгельма и рѣзко выраженный дегенеративный признакъ—это поразительный прогнатизмъ его лица. Таблицы Фригеріо указываютъ, что у нормальныхъ лицъ височно-ушной уголъ превышаетъ 90°, у дегенера-

товъ же онъ обычно не достигаетъ этой нормы, а у Вильгельма этотъ уголъ, какъ установлено врачами, равенъ даже 68°.

Мнѣ кажется, что еще Lombroso, этотъ знатокъ дегенеративныхъ типовъ, высказалъ вполнѣ правильное мнѣніе о Вильгельмѣ, какъ о маніакѣ и ясно выраженномъ дегенератѣ. Lombroso заинтересовался личностью Вильгельма на основаніи собранія его рѣчей, противорѣчивыхъ и непослѣдовательныхъ и въ то же время уснащенныхъ поразительнымъ самомнѣніемъ и самонадѣянностью.

Сопоставляя эти рѣчи съ непослѣдовательностями въ поступкахъ и дѣйствіяхъ Вильгельма, съ его поразительной неблагодарностью и съ рѣзко выраженными внѣшними чертами вырожденія, Lombroso и пришелъ въ свое время къ выводу, что на германскомъ престолѣ возсѣдаетъ типичный дегенератъ.

Поразительно сходственны обрисованныя выше не только физическія, но и психическія черты личности Вильгельма съ той характеристикой состояній вырожденія, сопровождающагося пониженіемъ нравственнаго чувства, въ которыхъ Lombroso видѣлъ типичные признаки прирожденнаго преступника.

«Чувство семейныхъ и общественныхъ привязанностей», говоритъ Ломброзо, описывая «преступнаго человѣка», «совершенно притупленное или шаткое, у этихъ людей замѣняется другими душевными движеніями низшаго порядка, но

чрезвычайно напряженными. Имъ свойственно прежде всего тщеславіе или точнѣе чрезмѣрное чувство собственной цѣнности. Когда такіе люди лгутъ, крадутъ, поддѣлываютъ, даже убиваютъ, они остаются убѣжденными въ своей правотѣ. Вину они переносятъ на свои жертвы».

«Типично и извращеніе религіозности у такихъ прирожденныхъ больныхъ: у нихъ свой Богъ, оправдывающій худшіе ихъ поступки и помогающій имъ въ ихъ преступленіяхъ. Далѣе, какъ слѣдствія изъ причины вытекаетъ непослѣдовательность въ мысляхъ, рѣчахъ и поступкахъ».

Если дополнить эту характеристику еще одной типичной особенностью такихъ дегенератовъ— импульсивностью ихъ дѣйствій, то мы получимъ схему, подъ которую вполнѣ подходитъ личность Вильгельма.

Въ наукѣ давно установленъ взглядъ, что нѣкоторые изъ видныхъ историческихъ личностей несомнѣнно были люди ненормальные. Примѣръ тому можно найти на протяженіи всей исторіи. Изъ историческихъ личностей римскій императоръ Неронъ подходилъ къ такому же типу вырожденія съ пониженіемъ нравственнаго чувства, почему Вильгельма и можно разсматривать дегенератомъ нероновскаго типа.

Итакъ, Вильгельмъ есть своего рода «современный Неронъ». Съ послѣднимъ онъ, однако, сходенъ лишь основными чертами своей дегенераціи, но такъ какъ историческая обстановка нынѣ другая, то и Вильгельмъ ни въ отношеніи

своей политики, ни въ отношеніи своей судьбы не можетъ быть уподобенъ римскому Нерону, этому древнему повелителю вселенной, не лишенному извѣстнаго величія и ореола.

Не можетъ умалить значенія доводовъ о дегенеративной натурѣ Вильгельма и то обстоятельство, что въ средѣ своего народа онъ пользуется колоссальной популярностью. Ибо извѣстной популярностью пользовался древній Неронъ. Помимо того исторія знаетъ многихъ прославленныхъ повелителей, бывшихъ несомнѣнно ненормальными людьми. Нельзя при этомъ забывать, что высшіе дегенераты, къ каковымъ принадлежитъ Вильгельмъ, обладая тѣми или иными частичными дарованіями, которыхъ не лишенъ очевидно и Вильгельмъ, благодаря экспансивности своей натуры, могутъ увлекать народныя массы за собою, ведя ихъ къ величію или гибели.

Со стороны читателя умѣстенъ, однако, вопросъ, много ли вообще различія между душевнобольнымъ и дегенератомъ, и стоило ли защищать Вильгельма отъ признанія его душевнобольнымъ, если приходится признавать его дегенератомъ съ чертами прирожденнаго преступника такъ ярко описанными Lombroso.

Однако наука устанавливаетъ различіе между тѣмъ и другимъ и, что главное, наука проводитъ различіе и въ отношеніяхъ закона и общественной совѣсти къ поступкамъ и дѣйствіямъ того и другого.

Въ то время, какъ душевнобольные признаются

по смыслу закона лицами невмѣняемыми и неотвѣтственными за свои поступки и дѣйствія, и въ силу этого нуждающимися иногда въ лишеніи свободы, дегенераты, пока они не заболѣваютъ душевной болѣзнью, остаются на свободѣ и признаются, по смыслу современнаго законодательства отвѣтственными за совершаемые ими поступки.

Вотъ почему и императоръ Вильгельмъ, будучи несомнѣннымъ дегенератомъ, не можетъ подлежать освобожденію отъ отвѣтственности за свои поступки и дѣйствія ни предъ современниками, ни предъ исторіей и вмѣстѣ съ тѣми слоями германскаго общества, которые его поддерживаютъ, долженъ нести на себѣ всю тяжесть моральной отвѣтственности за всѣ тѣ бѣдствія, которыя онъ причинилъ своей странѣ и воюющимъ съ ней народамъ.

Въ послѣднее время стали появляться слухи о мирѣ изъ Германіи. Мы не враги германскаго народа, конечно не въ лицѣ его воинствующаго юнкерства, создавшаго вооруженный миръ и милитаризмъ въ Европѣ, а въ лицѣ демократическихъ его слоевъ. Но спрашивается, съ кѣмъ мы можемъ заключить миръ? Съ глубокимъ дегенератомъ и «миролюбцемъ» Вильгельмомъ?

Но императоръ Вильгельмъ прежде всего достоинъ ли быть правителемъ европейскаго народа, ибо отъ вѣнценосныхъ властителей нынѣ требуется гуманность, идеальная справедливость и безкорыстное служеніе своей странѣ въ цѣляхъ

устраненія какъ внутреннихъ распрей, такъ и внѣшнихъ осложненій, дабы тѣмъ достичь возможнаго возвышенія ея духовнаго облика.

Поэтому лучше подождемъ того момента, когда германскій народъ сознаетъ самъ, кто мѣшаетъ миру въ Европѣ, а тогда и задача мира разрѣшится проще, чѣмъ многіе думаютъ. При этомъ основнымъ принципомъ мира должно быть удовлетвореніе справедливыхъ интересовъ всѣхъ вообще воюющихъ державъ, всеобщее разоруженіе Европы и общій союзъ всѣхъ великихъ державъ съ установленіемъ на ряду съ національными парламентами одного международнаго обще-европейскаго парламента и обязательнаго для всѣхъ третейскаго международнаго трибунала въ цѣляхъ разрѣшенія всѣхъ вообще спорныхъ вопросовъ между державами.

Возможно, что такой результатъ явится не сразу послѣ войны, но онъ придетъ, непремѣнно придетъ, ибо нынѣшнія потрясенія Европы столь значительны, что народы повелительно будутъ требовать устраненія войны и прочной гарантіи мира.